

Стоит умереть великому человеку, как сразу появляются сотни друзей, возлюбленных, а то и внебрачных детей, которые взахлёб начинают вспоминать о нём... Делают это не в узком кругу, но стараются по максимуму придать общественную гласность своим воспоминаниям. Неслучайно Анна Ахматова сказала, что есть такая посмертная казнь для писателя — воспоминания современников. Причём, что важно заметить, при жизни великого человека эти люди почему-то предпочитали помалкивать, и лишь после его ухода, когда уже он не сможет оборвать их поток сомнительных откровений, их вдруг захлестнул мемуарный пыл. Часто такие «откровения» имеют явную тенденцию не столько вспомнить великого человека, сколько показать себя, хороших, примазаться к славе покойного и хоть так обозначить брэнное своё существование. Частенько такие «мемуары» содержат и элементы дискредитации великого человека, ушедшего от нас... Потому к воспоминаниям современников и друзей я всегда отношусь настороженно. Особенно если нет информации о том, что сам великий писатель при жизни считал того или иного мемуариста

близким себе человеком. Как говорится, у победы много отцов, а поражение — всегда сирота. Стоит человеку стать известным, как у него вдруг появляется полным-полно «благодетелей», имён которых он не знал, когда нуждался в помощи и поддержке...

Эта книга, посвящённая великому русскому прозаику Валентину Распутину, стоит отчётливым особняком от вала воспоминаний о Распутине, что захлестнул Россию после смерти классика — воспоминаний часто весьма сомнительных, о чём, в частности, в одной из своих статей рассказывает единственный сын Валентина Распутина — Сергей Валентинович. Эта книга другая. Она написана человеком, который знал Валентина Григорьевича задолго до того, как наш будущий классик издал свою первую книгу. Сибирский волжанин Эдуард Константинович Анашкин, автор этой книги, познакомился с будущим классиком на ныне легендарном семинаре-совещании молодых писателей в Чите, где совсем молодой тогда Валя Распутин пообещал ещё более молодому на тот момент Эдику Анашкину подарить свою первую книгу... когда она у него появится. Обещание своё, став классиком, Распутин сдержал десятилетия спустя, помнил об Анашкине и об обещании. А все эти десятилетия, прошедшие с момента личного знакомства, Эдуард Константинович внимательно следил за талантливym писателем, собирал материалы о нём, книги Распутина и, можно сказать, не афишируя нигде свою внимательность к жизни и судьбе входящего в известность прозаика, фактически посвятил Распутину многие десятилетия жизни.

Сколько помню, Эдуард Константинович никогда не называл свои отношения с Распутиным дружбой. Он настолько боготворил Распутина, что, видимо, нелегко было Эдуарду Константиновичу применить это слово, подразумевающее некое равенство сторон — к Валентину Григорьевичу.

Но между тем они были друзьями. Не только потому, что периодически перезванивались и встречались. И не только потому, что по личному приглашению Валентина Григорьевича Эдуард Анашкин побывал на замечательном Всероссийском литературном празднике «Сияние России» в Иркутске, ставшем Распутину родиной. И не только потому, что почти каждую свою книгу Распутин присылал Анашкину, что становилось для последнего целым событием жизни. А потому, что, когда Распутину было печально, он звонил Анашкину. Так одним из первых Эдуард Константинович узнал от нашего классика страшную новость о скоропостижной смерти издателя Распутинских книг — Геннадия Сапронова. Последующую череду смертей любимых женщин — дочери и жены Распутина — автор этой книги воспринял, как трагедию личную... Но главное — главное в том, что все эти десятилетия Эдуард Константинович фактически создал на дому творческий распутинский музей! И, видимо, настолько уже даже москвичи знали об этом, что не только писатели, но и скульпторы старались пополнить экспозицию. Так у Эдуарда Константиновича появился бюст Валентина Распутина, подаренный известным московским скульптором. Этот бюст пропутешествовал с оказией через всё Поволжье, будучи вручён скульптором в Москве профессору филологии из Тольятти. А уж она бережно довезла его и вручила Эдуарду Константиновичу столь весомый во всех отношениях дар. Однако дар этот, как ни жаль было с ним расстаться, Анашкин решил подарить музею Распутина в Иркутске уже после смерти классика. И снова распутинский бюст-путешественник по колесам по дорогам необъятной России на сей раз уже в сопровождении Эдуарда Анашкина...

Это лишь одна из множества историй жизни автора этой книги, связанная с темой великого писателя. Валентин Григорьевич чувствовал душевное отношение к нему Эдуарда Константино-

вича. Неслучайно в канун одного из распутинских юбилеев, когда я позвонила Эдуарду Анашкину узнать, как у него дела, он был почти счастлив, сказав: «Мне вчера звонил Валентин Григорьевич. Попросил написать о том семинаре молодых литераторов в Чите, где мы с ним, собственно, и познакомились...» Я спросила: «И как же ты, Эдуард Константинович, будешь писать о том, что было почти полвека назад? Разве упомнишь?» Он как бы даже и обиделся: «Да что ты! Я помню этот семинар, словно вчера всё было, а что не помню, у меня в дневнике записано, я же всю жизнь веду дневник... Для меня такая радость, что Валентин Григорьевич помнит об этом семинаре, собственно, открывшем его, как писателя». Также Анашкин был счастлив лишь тогда, когда Валентин Григорьевич сам вызвался написать предисловие к его книге «Запрягу судьбу я в санки» о детдомовском детстве Анашкина...

А для меня радость, что эта книга о Распутине выходит в свет. Зная Анашкина, как человека дотошного, не склонного впадать в художественный вымысел там, где этот вымысел не нужен, могу сказать, что это очень точная книга. И в этом её главное достоинство. Это книга именно о Распутине по принципу «Тут не прибавить, не убавить – так это было на земле». Это книга о человеке, ставшем эпохой русской литературы. И Эдуард Константинович счастливый, что ни говори, человек, потому что стоял у истоков этой эпохи.

